

— Это... — верховный жрец слегка замялся. — У достойного владыки уровень культивации сейчас несколько низковат, из-за чего основа тела не слишком крепка. Пока срок ещё мал, серьёзных последствий не будет, но если время пройдёт и месяцы увеличатся, боюсь, нагрузка на организм станет слишком велика.

Мозун Дажэн нетерпеливо нахмурился:

— Я позвал тебя не для того, чтобы слушать этот вздор. Скажи конкретно: как ему следует беречь тело.

Верховный жрец тут же ответил:

— Позвольте старому слуге обратиться к медицинским трактатам и всё тщательно изучить. Пока же достойному владыке следует особенно бережно возвращать своё тело и укреплять основу. Иначе в будущем пострадает не только он сам, но и дитя в его чреве.

Цзянь Чжэнь слушал, словно оглушённый.

Лишь услышав эти слова, он по-настоящему осознал происходящее.

Он и вправду носит в себе малыша.

Маленькое существо, связанное с ним общей судьбой: одна честь на двоих, одна боль на двоих.

Когда верховный жрец удалился, в зале вновь воцарилась тишина. Цзянь Чжэнь машинально коснулся живота и, чуть оцепенев, задумался.

— Что, испугался? — спросил Мозун Дажэн.

Цзянь Чжэнь пришёл в себя. Он не был из тех, кто говорит одно, а думает другое, поэтому кивнул и тихо признался:

— Немного.

Слова верховного жреца были слишком пугающими.

Он ещё совсем не был к этому готов.

Но Мозун Дажэн, вопреки обыкновению, не стал насмехаться над его робостью. Демонический Бог сидел напротив, его высокая фигура была неподвижна и надёжна, словно гора. С совершенно спокойным видом он сказал, будто речь шла о пустяке:

— Пока я рядом, с тобой ничего не случится.

Цзянь Чжэнь послушно кивнул. В его тёмных глазах отражался силуэт Мозун Даждэна. Он нерешительно заговорил:

— Но... но я ещё не могу быть уверен, чей это ребёнок...

Ведь он не помнил ту ночь.

Мозун Дажэн усмехнулся холодно:

— Это так важно?

— А? — растерялся Цзянь Чжэнь.

— Ты — мой, — в голосе Мозун Дажэна звучали вызывающая самоуверенность и властность. — А значит, и твой ребёнок — тоже мой.

— ...

И вроде бы нелогично, а вроде бы и не поспоришь.

Маленькая травинка, сидевшая на ложе, слегка надулась. Мягким, но упрямым голосом он возразил:

— Я не твой. Я сам по себе. И вообще, почему обязательно говорить, что я твой? Почему ты не можешь быть моим?

Мозун Дажэн приподнял бровь.

Во всех трёх мирах, пожалуй, не нашлось бы никого, кто осмелился бы сказать демоническому Богу нечто подобное — да и подумать об этом.

А если бы кто и подумал, его могила уже давно заросла бы высокой травой.

Мозун Дажэн посмотрел на него, и уголки его губ медленно изогнулись в улыбке. Его алые глаза в отблесках закатного света были ослепительно прекрасны. Он протянул лениво:

— В таком случае... такое возможно.

Глаза Цзянь Чжэня загорелись:

— Правда?

Мозун Дажэн кивнул и ровно сказал:

— Ага. А теперь ложись и поспи ещё.

— ...

Большой злодей. Опять дразнит его!

После ухода верховного жреца ночь постепенно опустилась на дворец. Проспав три дня и три ночи, Цзянь Чжэнь мучительно проголодался. Будучи духом растений, он больше всего на свете любил пить нефритовую росу.

Служанка принесла из хранилища заранее заготовленный сок нефритовой росы.

Когда в маленькую нефритовую чашу налили росу, Цзянь Чжэнь взял её и сделал несколько глотков — но тут же поставил обратно.

— Что случилось? — спросил Мозун Дажэн.

Цзянь Чжэнь помедлил и ответил:

— Немного горчит.

Нефритовую росу собирали из дождевой воды на самых высоких вершинах. Иногда она бывала

сладкой, иногда — горькой, как повезёт.

Мозун Дажэн обернулся к служанке:

— Принеси мёда.

Та кивнула.

Мёд вскоре принесли. Цзянь Чжэнь сам добавил его в чашу, попробовал и улыбнулся.

— Пей, — сказал Мозун Дажэн.

Цзянь Чжэнь сделал ещё несколько глотков и снова отставил чашу.

— Горько? — спросил Мозун Дажэн.

Цзянь Чжэнь покачал головой:

— Нет.

Мозун Дажэн сидел напротив. Обычно не отличавшийся терпением демонический Бог и сейчас не выказал раздражения, лишь приподнял бровь:

— Тогда в чём дело?

Белоснежное личико Цзянь Чжэня было исполнено серьёзности. Тёплым голосом он сказал:

— Холодная.

В комнате воцарилась тишина.

Мозун Дажэн уже давно обрёл божественное тело и почти не нуждался ни в земной пище, ни в росе, и уж тем более не задумывался о температуре воды. Его взгляд остановился на Цзянь Чжэне.

Под этим взглядом Цзянь Чжэнь почувствовал себя немного неловко, но всё же упрямо вздёрнул подбородок:

— Это не я хочу тёплой воды. Это твой малыш хочет!

Мозун Дажэн приподнял бровь:

— Малыш?

Цзянь Чжэнь и сам не ожидал, что так просто выскажет свои мысли вслух. Теперь ему оставалось лишь торопливо пояснить:

— Ну... то есть... я имел в виду ребёнка.

Мозун Дажэн не стал ничего ни подтверждать, ни опровергать.

Цзянь Чжэнь и сам не понимал, какая именно фраза или какое слово пришлись по душе этому переменчивому, как погода, владыке-демону. Он лишь увидел, как Мозун Дажэн протянул руку:

— Дай.

Чаша переключалась в руки Мозун Дажэна.

За всю свою жизнь его душевное пламя ни разу не использовалось для того, чтобы кому-то подогреть воду, но сейчас оно вспыхнуло мягким светом, и над чашей поднялся лёгкий пар.

Мозун Дажэн поставил чашу обратно и сказал ему:

— Пей.

Цзянь Чжэнь взял её и с удивлением обнаружил, что температура — как раз такая, как надо. Его глаза изогнулись в радостной улыбке: обхватив чашу обеими руками, он залпом выпил всё до дна. Живот наполнился, и настроение тут же стало заметно лучше.

За окнами стояла густая, полная луна.

Увидев, что он допил, Мозун Дажэн сказал:

— Сегодня ночью ты отдохнёшь в этом дворце.

Цзянь Чжэнь огляделся. Весь зал был выложен холодным тёмным камнем, под потолком горели высокие красные свечи, снаружи на ветру покачивались бронзовые колокольчики, звеня холодно и пусто. Внутри — письменный стол и стеллаж Мозун Дажэна, а чуть дальше — лежанка, на которой он обычно отдыхал. И... больше ничего!

Травинка задумалась.

Подняв голову, Цзянь Чжэнь сказал:

— Тут нет кровати.

— Что? — переспросил Мозун Дажэн.

Демонический Бог обладал божественным телом и вовсе не нуждался во сне, а тем более — в кровати.

Цзянь Чжэнь потёр поясницу и, глядя на него большими тёмными глазами, тихо сказал:

— Та лежанка слишком жёсткая, у меня от неё спина болит. Я хочу кровать.

Никто и никогда не осмеливался выдвигать требования владыке демонов.

Тем более — жаловаться на то, что лежанка в дворце Ваньцзешань слишком твёрдая.

— В демоническом дворце нет кроватей, — ответил Мозун Дажэн.

В глазах Цзянь Чжэня мелькнула тень разочарования, но он не стал капризничать. Лишь чуть поник и тихо, с обидой, сказал:

— Понятно...

— Завтра можно будет сходить в город и купить всё необходимое, — добавил Мозун Дажэн.

Глаза Цзянь Чжэня мгновенно загорелись.

— Тогда я сам выберу!

Раньше он жил в цветочном горшке, и его самой большой мечтой была собственная — мягкая и ароматная — кровать. Но после обретения человеческого облика он всё время был в дороге или проходил испытания, и такой возможности так и не выпало.

— Как хочешь, — равнодушно сказал Мозун Дажэн.

— Тогда сегодня ночью я посплю на лежанке, — сказал Цзянь Чжэнь.

И, едва договорив, тихонько зевнул.

Мозун Дажэн нахмурился.

Пока маленькая травинка, у которой ныла поясница, всё ещё тёрла её рукой, снаружи одна за другой вошли служанки. На глазах у слегка растерянного Цзянь Чжэня они внесли несколько комплектов постелей. Кровать не заменили, но мягкие, пушистые одеяла сделали холодную лежанку куда уютнее.

Расстелив постель, служанки сказали:

— Если у уважаемого владыки будут ещё пожелания, пожалуйста, приказывайте.

Глядя на мягкую постель, Цзянь Чжэнь поспешно и ласково ответил:

— Нет-нет, больше ничего не нужно!

Служанки кивнули и удалились.

В спальнях демонического Бога Мозун Дажэна лежанка была застелена мягкими, ароматными одеялами. Цзянь Чжэнь расплылся в улыбке, с разбега плюхнулся на неё — места было предостаточно, и даже для двоих хватило бы. Он покатался по лежанке, наслаждаясь комфортом и радостью.

Покрутившись немного, он почувствовал, как накатывает сонливость.

Тихо зевнул.

Маленькая травинка уже собиралась заснуть, но в голове вдруг вновь всплыли образы: пылающее море огня из снов и пронзительные, полные отчаяния крики. Эти тени, неотступно следовавшие за ним, не давали уснуть.

Он ворочался с боку на бок, но сон не приходил.

Сквозняк гулял по залу, издавая пустые, гулкие звуки, отчего становилось ещё более одиноко.

Когда он уже совсем извёлся, за дверями послышались шаги. В зал вошёл Мозун Дажэн, мельком взглянул на него и сказал:

— Что, всё ещё спина болит?

Цзянь Чжэнь высунулся из-под одеяла. Увидев его, он заметно оживился — в этом огромном, пустом зале спать одному было действительно страшно!

— Я не могу уснуть, — честно и послушно сказал он.

Мозун Дажэн посмотрел на него сверху вниз:

— Ещё пару одеял добавить?

— Не в этом дело! — Цзянь Чжэнь смутился и чуть рассердился. — Я не из-за этого не сплю.

— Тогда из-за чего? — спросил Мозун Дажэн.

Цзянь Чжэнь и сам не знал, как объяснить свои кошмары. Он сел, скрестив ноги, и сказал:

— Мне страшно одному. Ты можешь побыть со мной?

Если бы кто-то спросил в трёх мирах, чего боятся больше всего, кровожадный и воинственный демонический Бог наверняка оказался бы в числе первых. И вот впервые в жизни его просили остаться... потому что было страшно.

— И что ты хочешь, чтобы я делал? — спросил Мозун Дажэн.

Цзянь Чжэнь почесал затылок, не зная, что ответить, и вдруг его осенило. С надеждой он сказал:

— А ты можешь рассказать мне какую-нибудь историю?

Если будет история, он точно перестанет бояться!

Мозун Дажэн приподнял бровь:

— Историю?

На лице Цзянь Чжэня расцвела улыбка, он энергично кивнул:

— Ага!

Уголки губ Мозун Дажэна чуть приподнялись.

— Хорошо.

Цзянь Чжэнь уже собирался сказать, что хотел бы услышать что-нибудь интересное о трёх мирах, как увидел: владыка демонов устроился на соседней мягкой лежанке и, неторопливо заговорил:

— Хочешь послушать, как миллион лет назад я содрал шкуру и вытащил сухожилия из ядовитого дракона Западных земель... или историю о морском чудовище Восточного моря, которое перегородило мне путь, а я свернул ему шею?

Маленькая травинка:

—

<http://bllate.org/book/12641/1121240>